

УДК 81'42

Селиванова Е. А.

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ МЕТАФОРИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются когнитивные механизмы использования метафоры в русских лингвистических терминах. Освещены основные донорские домены, поставляющие знаки в домен лингвистики. Охарактеризованы типы метафорических переносов, используемых в лингвистической терминологии (структурный, гештальтный, диффузный, сенсорный и аксиологический).

Ключевые слова: метафора, лингвистическая терминология, донорский домен, реципиентный домен, гештальт, синестезия.

Селиванова О. О. Когнітивний механізм метафоризації термінології лінгвістики (на матеріалі російської мови). – Стаття.

У статті розглянуто когнітивні механізми застосування метафори в лінгвістичних термінах російської мови. З'ясовано основні донорські домени, які постачають знаки до домену лінгвістики. Охарактеризовано типи метафоричних перенесень, наявних у лінгвістичній термінології (структурний, гештальтний, дифузний, сенсорний, аксіологічний).

Ключові слова: метафора, лінгвістична термінологія, донорський домен, реципієнтний домен, гештальт, синестезія.

Selivanova O. O. A cognitive mechanism of metaphor in linguistics terminology (in Russian language). – Article.

This article focuses on the cognitive mechanism of metaphor's application in the Russian linguistic terminology. It determines the basic donor domains which supply signs to the domain of linguistics, as well as the types of metaphoric transferences used in the linguistic terminology. Such types of metaphorization are structural, gestalt, diffuse, sensory and axiological.

Key words: metaphor; linguistic terminology; donor domain; recipient domain; gestalt; synaesthesia.

Одной из дискуссионных проблем современной метафорологии является возможность использования метафор в языке науки, поскольку метафору в логико-философском аспекте трактуют как мыслительную операцию неистинного, фиктивного обозначения понятия. Сущность формирования метафоры по принципу *als ob* («как будто, словно») состоит в том, что она отрицает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает его принадлежность к категории, к которой он не может быть отнесен рационально [1, 14]. Между тем, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, метафора «удлиняет «руку» интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке. <...> Без метафоры на нашем ментальном горизонте образовалась бы целинная зона, формально подпадающая под юрисдикцию нашей мысли, но фактически неосвоенная и невозделанная» [6, 72]. Исследователь считал метафору необходимым орудием мышления, формой научной мысли, при помощи которой нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля [6, 68].

Не все философы разделяют такую оценку неистинной природы метафоры и ее роли в научном познании. Рационалистская философия усматривала в метафоре помеху для выполнения языком своей важнейшей функции – выражения и передачи мысли, закрепляя эту функцию только за словами в прямых значениях. Дж. Локк обвинял метафору в том, что она вселяет неистинные идеи, возбуждает страсти, вводит в заблуждение разум, потому склонность человека к метафорам является противоесте-

ственной [5, 567]. Сторонники позитивизма и эмпиризма также противились использованию метафор в научной речи, поскольку, по их мнению, метафоры разрушают логику здравого смысла и отвлекают внимание от действительного положения дел. Феноменология, базировавшаяся на абсолютизации роли мышления в познавательных процессах, наоборот, отстаивала метафоричность языка как один из способов репрезентации категорий сознания человека. Метафора, по мнению субъективных идеалистов, открывает доступ к пониманию [17].

Н.Д. Арутюнова, подводя итоги рассмотрению метафоры как способа ложной передачи информации, подчеркивала: «Ложь и правда метафоры устанавливается относительно разных миров: ложь – относительно обезличенной, превращенной в общее достояние действительности, организованной таксономической иерархией; правда – относительно мира индивидов (индивидуальных обликов и индивидуальных сущностей), воспринимаемого индивидуальным человеческим сознанием. В метафоре противопоставлены объективная, отстраненная от человека действительность и мир человека, разрушающего иерархию классов, способного не только улавливать, но и создавать сходство между предметами» [1, 18].

Исходя из постулатов современной когнитивной семантики, следует добавить, что поскольку сознание формирует взгляд на действительность, воплощая его в языке, то в метафоре заложено мощное познавательное орудие, отображена способность человека и народа взаимодействовать с миром действительности. На этом основании без метафоризации невозможно было бы создать язык любой

науки, в частности, его терминосистему, а также уберечь ее от разрушения. Метафора служит в терминах современной лингвосинергетики мощным аттрактором, то есть параметром самоорганизации, фактором сохранения и развития терминологических систем в языке, обеспечивает креативные механизмы любой специальной сферы знаний, так как неограниченность познавательных возможностей человека обуславливает потребность во все новых обозначениях, которые создаются с помощью метафоризации готовых языковых знаков.

В современном терминоведении очерчены основные требования к термину, среди которых повторяющимися в работах лингвистов являются стилистическая нейтральность и отсутствие экспрессивности. Однако по вопросу реального наличия в терминах таких признаков мнения терминологов разделились. Р.Г. Пиотровский вместе с соавторами указывает на наличие в терминах эмоционально-экспрессивных признаков и стилистических характеристик [7]. Л.А. Капаназде настаивает на том, что даже если термин создан на основе метафоры, образного переосмысления понятий и слов, то, став термином, он утрачивает образность и приобретает новые связи [3, 81–82]. Сторонники третьей точки зрения приписывают терминам экспрессивную нейтральность, однако отмечают, что термин может иметь «интенсивность некоторых семантических составляющих», причинами которой могут быть желание подчеркнуть элитарность представления того, кто говорит, или попытки скрыть свои намерения [2, 13].

Как известно, создание терминов осуществляется также с помощью семантической деривации либо всего наименования, либо его компонента, который, интегрируясь с другими номинативными единицами языковой системы, формирует терминологическое словосочетание, соответствующее одному денотату, получающее терминологическое значение и место в терминосистеме. Одним из наиболее распространенных и продуктивных в этом случае способов семантической деривации является метафоризация, которая, с одной стороны, будто бы вносит в семантику термина некую экспрессивно-образную составляющую. С другой стороны, метафоризация способствует тому, что эта экспрессивность, встраиваясь в новую специальную сферу знаний, угасает, при этом образность метафорических компонентов придает термину определенность и прозрачность декодирования, а номенклатуре – дифференцирующую способность в родовидовой категориальной иерархии.

Несмотря на многовековую историю изучения, проблема метафоры остается одной из сложных и спорных в современной лингвистике, поскольку ее традиционная, общепринятая дефиниция как «переноса по сходству, аналогии», фигурирующая в большинстве терминологических лингвистиче-

ских и общефилологических словарей, справочников и энциклопедий, а также в учебниках по лексикологии, не выдерживает никакой критики, требует пересмотра и коррекции с учетом положений современных отраслей языкознания (когнитивной семантики, лингвокультурологии, психолингвистики и этнолингвистики).

По нашему мнению, метафоризация представляет собой наиболее продуктивный и креативный способ обогащения языка, расширения его знаковых ресурсов и, соответственно, языковой экономики, семиотический процесс, результатом которого является метафора – языковой знак, заимствованный из знаковых ресурсов одной структуры знаний (шире – концептуальной сферы) для обозначения другой [11, 388].

Отношения подобия, сходства между структурами знаний или обозначаемыми предметами, концептуальными сферами во многих метафорах не прослеживаются. Интеграция же двух структур знаний (в терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона – доменов (source domain and target domain) [16]) и перенос знака из одной сферы в другую осуществляется на основе формирования в сознании носителей языка их возможного соположения с учетом этнических стереотипов, мифологем, архетипов коллективного бессознательного. Такое соположение может быть основано на подобии на базе смежного понятия, как это утверждают сторонники трехчленной теории метафоры, либо сходства неких образных представлений или ощущений. Однако во многих случаях такое подобие отсутствует, а путь к метафоризации пролегает через цепь ассоциаций, создание диффузного ассоциативного комплекса, опосредующего взаимодействие донорского и реципиентного доменов [15; 18]. Не случайно Н.Д. Арутюнова подчеркивала: «Человек не столько открывает сходство, сколько создает его. <...> Особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое» [1, 9]. Донорский домен служит «поставщиком» языковых знаков для реципиентного и обычно является более конкретным, доступным для понимания носителями языка. Именно поэтому метафоризация в терминосистемах любого языка способствует декодированию нового термина за счет использования знаний о более понятном, обычном и конкретном.

Целью статьи является описание когнитивных механизмов метафоризации в сфере русской лингвистической терминологии. К числу задач исследования принадлежат такие: 1) выявление основных донорских доменов, поставляющих языковые знаки в домен лингвистики; 2) описание типов метафорических переносов, используемых в лингвистической терминологии русского языка, исходя из параметра когнитивного статуса мета-

форического мотиватора в структуре знаний об обозначаемом.

Материал исследования избран из словарей лингвистических терминов русского языка и книги Д.О. Добровольского «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» (более 3 000 терминов). Используются методики пропозиционального и метафорического моделирования; первая направлена на реконструкцию структуры знаний об обозначаемом, а вторая – на объяснение механизма метафорической интеграции донорских и реципиентного доменов.

Лингвистическая терминосистема представляет собой открытую систему номинативных единиц, обслуживающих специальную сферу языкознания, и отображает понятийную структуру этой отрасли науки. Рассмотрение терминосистемы как познавательного средства, знаковой модели определенной теории специальной научной сферы, структура которой в целом адекватна системе понятий этой теории [4, 129], служит отправным моментом для установления когнитивной проекции процессов терминообразования, выявления соотношения терминосистемы и соответствующих фрагментов научной картины мира, принятой сообществом ученых, являющихся носителями определенного языка и его лексической подсистемы в специальных целях. Однако когнитивное исследование механизмов терминообразования свидетельствует о том, что понятийная сфера соответствующей отрасли не только базируется на научной картине мира, но и задействует наивные представления этноса для формирования знаковых систем терминологий и номенклатур [10, 125–137]. Именно наивная картина мира, интегрированная специалистами в научную сферу, обуславливает использование метафор в терминосистемах.

В массиве исследуемой русской лингвистической терминологии, исходя из механизма интеграции донорского и реципиентного доменов, мы дифференцировали несколько типов метафоризации: структурный, диффузный, гештальтный, сенсорный и аксиологический.

Структурный тип метафоризации характеризуется интеграцией донорского и реципиентного доменов на базе одного общего когнитивного признака, имеющегося в пропозициональных структурах обоих доменов. К примеру, первый элемент термина когнитивной лингвистики, введенного У. Чейфом, *цена активации* заимствован из донорского домена ТОРГОВЛЯ как компонент количества. В домене лингвистики он становится обозначением количества затрат ментальных усилий для активации знаний: наибольшее количество затрат необходимо для активации новых знаний, наименьшее – для активированных ранее в обыденном сознании. В термине *слово-гибрид*, обозначающем сложное слово с опущенным сре-

динным компонентом, возникшее в результате соединения частей двух слов, второй компонент заимствован из домена биологии на основе смежного понятия-предиката *соединить*. Термин аспектологии *конкуренция видов* получил первый метафорический компонент на базе смежного с доменом экономики понятия преимущества: совершенный вид вытесняет несовершенный в одной парадигматической позиции, при наличии обратного вытеснения – в другой.

Диффузный тип метафоризации базируется на интеграции двух сценариев или комплекса ассоциаций донорского и реципиентного доменов. Например, термины когнитивной лингвистики *сценарий* и *цена*, обозначающие структуры процедурного представления знаний о типизированной ситуации (для второго термина такая ситуация обычно визуальна), заимствованы из домена ТЕАТР, исходя из допущения аналогии структуры знаний термина с игрой по сценарию как определенным прототипом любого спектакля. В термине *мерцающее значение*, обозначающем семантическое явление актуализации в слове при употреблении в тексте одновременно двух и более его значений, которые словно «просвечивают» одно сквозь другое, с целью создания стилистического эффекта, использован метафорический компонент, основывающийся на комплексе ассоциаций с доменом СВЕТ, в частности на реакции наблюдателя за мерцанием света, уподобленной явлению использования двух и более значений в одном слове одновременно. Термины словообразования *гнездо* и порождающей грамматики *гнездование* актуализируют различные ассоциативные цепочки донорского домена ЖИВОТНОЕ. Первый базируется на ассоциации строителей гнезда – взрослых самцов или самок животных, и зависящих от них детенышей с главными и подчиненными, производными и производящими словами, формирующими словообразовательное гнездо. Второй термин исходит из способа построения и скрепления гнезд животных, уподобляющегося семантико-синтаксической организации предложения.

Иногда реконструкция ассоциативного комплекса (в терминологии В.Н. Телия – ореола) метафоры, на базе которого осуществляется терминологизация, требует интерпретации целостного сценария знаний об обозначаемом в проекции на сценарий донорском домене. К примеру, термин психолингвистики *эффект вечеринки* обозначает явление выборочного восприятия, способность человека формально участвовать одновременно в нескольких разговорах, но в случае необходимости переключать внимание только на один, игнорируя все другие. Для создания этого термина использован сценарий вечеринки, в соответствии с которым описанный тип восприятия проецируется на сценарий поведения и общения человека на вечеринке.

Диффузный тип метафоризации присущ также уже устоявшемуся лингвистическому термину *падеж*, заимствованному из греческого языка и транспонированному в русскую научную сферу языкознания метафору игры в кости, поскольку мотиватор *падать* реализует значение сценария падения костей в игре. Примечательно, что интеграция сущности термина и сценария игры в кости обеспечивается ассоциацией шестигранного кубика, выпадающего в игре определенной гранью с нанесенными на ней точками (от одной до шести), с выбором падежа из шести его разновидностей в русском языке при употреблении слова в речи.

Гештальтный тип метафоризации характеризуется использованием знаков донорских доменов для обозначения понятий лингвистики на основе гештальтов – константных целостных составляющих сознания, которые имеют вид фигур, структур, образов и формируются с целью структурирования поля восприятия и его осознания, независимо от изменений и варьирования признаков объекта. В.Н. Телия подчеркивала, что в подобных случаях в результате соотнесения разных сущностей из редуцированных прототипов создается новый гештальт, синтезирующий признаки гетерогенных объектов уподобления [13, 50].

В лингвистической терминологии русского языка задействованы преимущественно зрительные гештальты. Так, часть артикуляционного аппарата человека в фонетике называют *альвеолярный бугор*, или *дуга*, или *ребень*, исходя из визуального подобия целостных фигур. На уподоблении фигур дерева и схемы синтаксической связи базируются термины генеративной грамматики и трансформационного синтаксиса *дерево синтаксических связей*, *дерево зависимости*, *ветвление*, *ветвящаяся конструкция*, *точка ветвления*. В термине дериватологии *телескопизм* метафорический мотиватор заимствован из домена астрономии исходя из соположения гештальтов астрономического прибора, части которого вставляются одна в другую, и создания сложного слова путем сокращения последней части первого компонента и первой части второго.

Сенсорный тип метафоризации основывается на синестезии – психологическом явлении возникновения одного ощущения под воздействием неспецифического для него раздражителя иного ощущения. В языке это явление отображено в использовании знака одного ощущения для обозначения другого. Синестезия расширяет довольно-таки бедный знаковый спектр сенсорики человека и отображает ее внутрикодовую переинтерпретацию. Еще Аристотель отмечал синестетическую природу метафоризации на примерах лингвистических терминов *grave accent* и *acute accent*, базирующихся на параллелизме ощущаемых слухом разновидностей ударения и качеств, воспринимаемых тактильно и соматически.

Цитируя Аристотеля, С. Ульманн считал синестезию «наиболее древней, достаточно распространенной, возможно, даже универсальной формой метафоры» [14, 279]. А.А. Потебня рассматривал ассоциативность синестетического переноса, заключающуюся в том, что разнородные ощущения не уничтожают взаимно собственную самостоятельность, а сливаются в единое целое и в то же время остаются отдельными [8, 46]. Синестезия обуславливает создание ряда лингвистических терминов: *острота* – акустический признак гласных переднего ряда; *мягкий/твердый звук* (тактильные ощущения служат для обозначения слуховых), *тяжелая именная группа* – группа имен со значительным количеством составляющих, сложная по структуре (соматическое ощущение интегрировано со зрительным); *легкий/тяжелый слог* – слог, в котором рифма содержит один или более одного сегмента (знак соматического ощущения использован для обозначения слухового); *тонкий согласный* (зрительное ощущение подменяет слуховое).

Аксиологический тип метафоризации также представлен в русских лингвистических терминах. Например, для обозначения оценки фонемы носителями языка в психофонетике используют термины *светлый гласный*, *темный гласный*, которые основываются на оценочном стереотипе этносознания относительно светлого и темного как, соответственно, позитивного и негативного. Омнимичные термины артикуляционной фонетики также метафорически обозначают качество акустических признаков тембра звуков.

Донорские домены, поставляющие знаки в лингвистическую терминосистему русского языка, разнообразны. Наиболее продуктивными являются домены родства, семьи (*дочерний узел*, *материнский узел*, *сестринский узел*, *женская каденция*, *мужская/женская рифма*, *женская клаузула*, *семья языков*, *фамильное сходство*, *составляющая-супруг*, *правило семантического наследования*, *родственные слова* и так далее), музыки (*контрапункт*, *аранжировка концептуальной сущности*, *бемольный/диезный акустический признак*, *полифония*, *баритонное слово*, *мелодическая кривая* и так далее).

В последнее время русская лингвистическая терминология пополняется знаками из сфер экономики (*коммуникативная кооперация*, *стоимость*, *депонентный глагол*, *объект торга*, *выгода сделки*, *ревизия*, *конкуренция максимы*, *банк знаний*, *ресурс* и так далее) и политики (*когнитивная революция*, *доктрина коммуникации*, *лексическая солидарность*, *господствующий член*, *эксплуатация максимы*, *спутниковая модель*).

В процессах терминологизации задействованы также метафорические знаки донорских доменов войны или спорта (*командование составляющими*

ми, комбинаторный взрыв, дислоцирование вправо/влево, сфера мишени, тактика и стратегия речевой коммуникации, графотактика, разжалоление), театра и кино (ролевая грамматика/семантика, семантическая роль, сценарная семантика, репертуар знаков, кадрирование внимания).

Гештальтный тип метафоризации в лингвистических терминах связан преимущественно с ассоциированием моделей, схем языковых явлений и различных предметов-артефактов (*синтагматическая ось, обратная петля, метрическая решетка, пучок изоглосс, словообразовательная цепочка, узел, шарнир, профиль, семантическая сеть* и так далее) либо частей тела человека и животных (*ребро графа, скелетный ярус*). Немало терминов используют метафорические знаки, коррелирующие с предикатами пропозициональных компонентов донорских доменов артефактов (*расщепление, сцепление, стертая метафора, сращение, правило переключения кодов, свертка*) либо с их терминами (*заякоренная информация, опоясывающая структура, морфемный шов*).

Пополнение лингвистической терминологии осуществляется путем переноса знаков из сфер других наук, а именно: а) географии (*когнитивная карта, горизонт понимания, островные ограничения, остров номинатива, пик звучности*); б) медицины (*коллапс, аппендикс*); в) живописи (*окраска звука, картина мира, оттенки значения*); г) химии (*сюжетная молекула, катализ, фонетический индикатор*); д) математики (*конгруэнтность, семиотический треугольник, семантическая шкала*); е) биологии (*адаптация, корень слова, корневой узел, корневая трансформация, селекционное правило, самогнездование, субдерево, языковая ветвь*) и других.

В список лингвистических терминов включено немало метафорических наименований или

словосочетаний с метафорическими компонентами, поданными в кавычках. Такие наименования, безусловно, еще не стали терминами, их обычно называют терминоидами. Мы относим подобные знаки к периферии терминологического поля лингвистики, которое схематизирует соотношение между терминосистемой, терминоидами и профессионализмами как ядерно-периферийную структуру. Терминоиды являются преимущественно элементами общенародной лексики или других терминосистем, которые еще не получили стабильного места в этой терминосистеме. Например, наименование «*теневое*» местоимение обозначает местоимение, специфика которого заключается в том, что оно служит индексом (словно тенью) своего предшествующего вербального антецедента: «*Таня, я вижу ее*» (то есть Таню). Терминоид «*языковая окаменелость*», обозначающий демотивированную языковую конструкцию типа *ни зги* (*не видно*), создан на базе ассоциаций с камнем как необъяснимого, нерасчлняемого с целостным, неделимым.

Исследование русской лингвистической терминологии продемонстрировало чрезвычайную продуктивность метафоризации в процессах терминообразования. Метафора служит источником расширения знаковых ресурсов терминосистемы, а также орудием научного поиска и познания в этой специальной сфере, средством уточнения и дифференциации понятийного аппарата языкознания. Когнитивные механизмы метафоризации при образовании лингвистических терминов отражают взаимодействие научной и наивной картин мира, во многих случаях не предусматривают сходства и аналогии, допуская соположение донорского и реципиентного доменов на основе стереотипов и мифологем этноса.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. ст. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–33.
2. Д'яков А.С. Основы термінотворення: семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А.С. Д'яков, Т.Р. Кияк, З.Б. Куделько. – К. : КМ «Academia», 2000. – 218 с.
3. Капаназе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л.А. Капаназе // Развитие лексики современного русского языка : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1965. – С. 75–85.
4. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М. : КомКнига, 2006. – 256 с.
5. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Наука, 1985– . – Т. 1. – 1985. – 242 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры : сб. ст. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. – М. : Прогресс, 1990. – С. 68–81.
7. Пиотровский Р.Г. Системное исследование лексики научного текста / Р.Г. Пиотровский, Н.П. Рахубо, М.С. Хаджинская. – Кишинев : Штиинца, 1981. – 159 с.
8. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
9. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 370–389.
10. Селіванова О.О. Когнітивне підгрунтя термінотворення / О.О. Селіванова // Селіванова О.О. Світ свідомості в мові. Мир свідомості в мові : [монографічне видання] / О.О. Селіванова. – Черкаси : Ю. Чабаненко, 2012. – С. 125–137.

11. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
12. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
13. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1996. – 286 с.
14. Ульманн С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. Языковые универсалии / под ред. Дж. Гринберга. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 278–289.
15. Kittay E. Semantic Field and the Structure of Metaphor / E. Kittay, A. Lehrer // Studies in Language. – 1981. – № 5. – P. 31–63.
16. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
17. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
18. Ruzicka-Ostyn B. Metaphoric Processes in Word Formation: The Case of Prefixed Verbs / B. Ruzicka-Ostyn // The Ubiquity of Metaphor. – Amsterdam : Benjamins, 1985. – P. 209–241.